

Коллективная монография

«Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации»

Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Манькина. – М.: Издательство Московского университета, 2014. – 816 с.

Аннотация. Коллективная монография «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации» была подготовлена преподавателями исторического факультета МГУ при сотрудничестве со специалистами из других ВУЗов нашей страны под редакцией профессоров исторического факультета МГУ Л.С. Белоусова и А.С. Манькина. В монографии читатель найдет глубокий анализ явлений и процессов, породивших Первую мировую войну и порожденных ею.

Ключевые слова: Первая мировая война, коллективная монография, издательство Московского университета, Фонд «Русский мир».

Abstract. The collective monograph "The First World War and the fate of European civilization" was prepared by the members of the Faculty of History of MSU in collaboration with experts from other universities of our country under the editorship of professors L. Belousov and A. Manykin. In the book the reader will find a deep analysis of the processes that gave rise to the First World War, and were generated by it.

Key words: The First World War, collective monograph, Moscow University press, the Foundation "Russian world".

Как уже было сказано ранее, в рамках конференции «Первая мировая война - пролог Двадцатого века» прошла презентация коллективной монографии «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации». В ходе презентации монографии, проходившей в стенах МГУ, профессора исторического факультета Л.С. Белоусов и А.С. Маныкин подчеркнули, что именно Первая мировая война стала тем рубежом, с которого следует начинать отсчет нового периода истории. Изменение карты мира, баланса сил, системы международных отношений, появление нового типа партийно-политических систем и общественного устройства, новых методов и форм ведения войны, новых идеологий, нового отношения к собственности, новых явлений в культуре и искусстве - все это сделало Европу 1918 г. непохожей на Европу 1914 г. Проследить эти изменения и оценить воздействие войны на развитие европейской цивилизации в XX веке – такова была задача авторского коллектива.

С любезного разрешения авторов публикуем вводные разделы и оглавление коллективной монографии.

Белусов Л.С.¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историки любят юбилейные даты, особенно те из них, которые так или иначе перекликаются с современностью и позволяют привлечь к историческому событию внимание общества. Перечень таких дат нескончаем, но их реальная значимость зачастую преувеличивается или, напротив, сводится на нет в зависимости от политической конъюнктуры, и потому весьма условна.

Грядущее 100-летие начала Первой мировой войны – яркое тому подтверждение. Долгие годы эта страшная война была во многом «забытой», по сути стертой из памяти народов современной России, на территории которой до сих пор не воздвигалось достойных памятников погибшим. Война «империалистическая» или «германская» (как ее называли в те времена) блекла на фоне революционного вихря и войны гражданской.

Между тем, именно эта – Первая мировая – впоследствии получила на Западе название «Великой». По своим непосредственным и отложенным результатам, по глубине воздействия на развитие современного общества она едва ли уступает (если не превосходит) любому иному эпохальному событию в XX веке. Думается, вряд ли кто-либо из историков-профессионалов усомнится в том, что развитие цивилизации (прежде всего, европейской) пошло бы каким-то иным путем, не разразись чудовищный военный конфликт поистине вселенского масштаба. В этом утверждении нет преувеличения, поскольку наиболее значимые исторические факты и феномены прошлого столетия оказались так или иначе, прямо или косвенно связаны с Первой мировой войной.

Приближение этой юбилейной даты побудило нас, преподавателей кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, как, впрочем, и многих наших коллег, вновь задаться вопросом о характере и масштабах влияния этой войны на судьбу породившей ее западной цивилизации. Дистанция в сто лет позволяет сделать это во многом без оглядки на политическую и дипломатическую конъюнктуру. Более того, с высоты прошедшего столетия, унесшего табу на засекреченные документы и материалы, многое, хотя далеко не все, стало более очевидным и понятным. События той драматической поры нам известны в мельчайших деталях, но их интерпретация по-прежнему остается полем для острейших дискуссий.

Говоря о западной цивилизации, мы отдаем себе отчет в том, что это понятие широкое и весьма условное. Поэтому для своего исследования, в инструментальных целях, мы решили сконцентрировать свое внимание на ее «европейском сегменте». Наш выбор обусловлен некоторыми принципиальными

¹ **Белусов Лев Сергеевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки, заведующий кафедрой новой и новейшей истории стран Европы и Америки, исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: lbelousov@olympicuniversity.ru)

соображениями. Прежде всего, европейский континент стал основной ареной боевых действий, а расположенные на нем страны понесли наибольшие людские и материальные потери; в этом регионе в первые послевоенные годы произошли события, оказавшие решающее воздействие на последующий ход европейской и мировой истории; здесь была предпринята попытка похоронить капиталистическую систему, рыночную экономику и буржуазную демократию; тут появились на свет радикальные левые и правые движения и партии, захватившие власть в ряде крупных государств и сделавшие попытку перековать мировое устройство на свой лад; наконец, именно здесь были посеяны семена новой, еще более разрушительной и ужасной войны.

Особый интерес и наиболее жаркие споры идут вокруг оценки последствий «Великой войны». Это неудивительно. Ведь именно они определили характер и динамику послевоенного развития подавляющей части мирового сообщества в самом широком плане, включая политические, социальные, военные, культурные, ментальные, дипломатические и иные аспекты. В гораздо меньшей степени мы затрагивали проблемы трансформации экономики, и сделали это вполне осознанно по двум причинам. Во-первых, эти сюжеты в отечественной литературе разработаны значительно меньше, чем в английской, немецкой или французской, что не позволяет пока сформировать емкое, многоплановое представление о сути той трансформации, которая разворачивалась в военные и послевоенные годы в мировой экономике. Во-вторых, в силу этого, на данном этапе мы не сочли возможным в историческом исследовании глубоко вторгаться в область иной, хотя и пограничной науки – экономической. Эта область исключительно важна для понимания фундаментальных процессов, происходивших в послевоенном развитии западного общества, и требует глубокого погружения в «дебри» экономического анализа, способного увести наше исследование в сторону от главных сюжетных линий. В этой связи, мы решили по мере необходимости использовать лишь ключевые выводы специалистов, которые считаются общепризнанными в отечественной и зарубежной литературе. Речь идет о наиболее существенных чертах, связанных с качественным изменением роли государства в регулировании экономики и социальных отношений.

Решение столь емкой и многоплановой задачи потребовало объединения усилий с коллегами с других кафедр исторического факультета МГУ, и сотрудниками ряда университетов нашей страны. Каждый из авторов имеет собственные взгляды на некоторые существенные проблемы, затронутые в монографии. Их подходы индивидуальны, иногда они разнятся между собой, а содержащиеся в ряде разделов суждения оценочного характера остаются личным мнением авторов, но общей логики повествования и цельности книги они, как нам представляется, не нарушают. В конечном счете, все эти материалы объединяются в рамках общей концепции, которую мы и выносим на суд читателей.

Манькин А.С.²

ВВЕДЕНИЕ

Вот уже целое столетие отделяет нас от того момента, когда в Европе начался невиданный по своим масштабам военный конфликт, радикально изменивший последующее развитие стран и народов континента. Многие историки называют его «матерью всех катастроф», обрушившихся на человечество в XX в. Другие, однако, делают акцент на том, что по сравнению со Второй мировой войной эта явилась последней, которая велась «в относительно цивилизованных рамках», и она не сопоставима по степени жестокости и разрушительности с войной, вспыхнувшей в 1939 г., ставшей в полном смысле слова «тотальной». Никто, однако, не отрицает, что, если бы не Первая мировая война, дальнейшая история Европы развивалась бы по какому-то принципиально иному, отличному от того, что мы получили в действительности, сценарию.

Подчеркиваем, что с этим тезисом согласно большинство исследователей, которые на протяжении всех этих лет, тем не менее, отчаянно спорили, пытаясь понять, как же данные события повлияли на судьбы европейской цивилизации. Если ученые самых разных идеологических ориентаций солидарны в том, что «Великая война» (как ее окрестили уже современники), безусловно, стала вехой в судьбе Старого Света, то дальше практически по всем основным вопросам, связанным с этим, несомненно, знаковым для европейской цивилизации событием, специалисты с немалым трудом (да и то не всегда) находят почву для конструктивной дискуссии. И это несмотря на то, что конкретная канва истории многих аспектов Первой мировой войны (она же империалистическая, германская и даже Отечественная) известна в мельчайших деталях.

Уже та разногласица в названиях этого грандиозного военного конфликта, которая звучит в историографии и существует в народной памяти, заставляет современников задуматься над вопросом: что же произошло в Европе в 1914 году? Была ли начавшаяся война результатом рокового стечения обстоятельств или закономерным итогом всего предшествовавшего развития системы международных отношений или даже прямым следствием вступления ведущих мировых держав в стадию «индустриального общества»? Перечень вопросов, встающих перед учеными, занимающимися изучением Первой мировой войны, можно продолжать еще очень долго. Важно подчеркнуть, что они касаются самых разных аспектов войны и практически всех ее стадий – от возникновения до последствий.

² Манькин Александр Серафимович – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки, исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: modern@hist.msu.ru)

Было бы неверно считать, что научное сообщество не сумело за эти годы создать сколько-нибудь стройную и развернутую концепцию этого эпохального события. Конечно, такие концепции имеются. Дело, однако, в том, что во-первых при внешней привлекательности, они, как правило, по многим важным параметрам плохо стыкуются друг с другом (например, в оценке роли экономических факторов в развязывании войны, выяснении степени ответственности конкретных великих держав в перерастании июльского кризиса в мировую войну, оценке роли революционных потрясений в итогах войны и т.д.), а, во-вторых, такие события, как Вторая мировая война или развал СССР и крах биполярной системы международных отношений заставляли специалистов вновь и вновь вносить определенные корректировки в ставшие привычными представления о «Великой войне». Строго говоря, каждое новое поколение в известной мере добавляло что-то свое в формирование исторического образа данного события. Далеко не всегда и далеко не все эти новации были рациональны. Многие стали порождением исключительно политической конъюнктуры. Однако даже такие, с позволения сказать «новации», которые скорее затуманивают и картину войны в целом, и многие важные детали этого конфликта, все же необходимо учитывать при оценке исторической роли и места «Великой войны», ее последствий для развития европейской цивилизации.

Вот и сейчас, в преддверии 100-летия с начала Первой мировой войны, мир, столкнувшись с комплексом сложнейших, взрывоопасных проблем, вновь обращается к опыту прошлого, пытается понять, какие действия политических элит превратили постепенно вызревавший в недрах европейского сообщества конфликт в неотвратимый, что нарушило, казалось бы, вполне размеренный ритм его функционирования и в итоге повлекло за собой качественный скачок в развитии европейской цивилизации. Наш авторский коллектив также задался этими вопросами. Мы попытались воссоздать ту общую атмосферу, которая царила в предвоенной Европе с тем, чтобы нарисовать, по возможности, объективную картину тех процессов, которые привели ее к войне и, с позиции сегодняшнего дня, оценить воздействие данного конфликта на судьбы европейской цивилизации.

Мы не случайно вынесли в заглавие книги это популярное сегодня понятие. Несмотря на широкое распространение, оно достаточно аморфно и подвержено различным интерпретациям, что требует определенного уточнения авторского подхода к его трактовке. На наш взгляд, это отнюдь не абстрактная, а сложившаяся на протяжении длительной исторической эволюции достаточно прочная социо-культурная и этно-конфессиональная общность, имеющая набор общих политических и экономических ценностей, уходящие своими корнями еще во времена Римской империи. За долгие годы она прошла сложный путь, пережила сходные, во многом синхронные общеевропейские процессы, постепенно формировавшие ее современный облик.

Под ее непосредственным воздействием в XVI-XVII вв. в Новом Свете стали формироваться два во многом самостоятельных подвида: североамериканский и латиноамериканский. Сохраняя достаточно

тесные связи с материнскими структурами, они быстро обрели важные отличительные характеристики, придававшие им своеобразие и индивидуальность, что позволяло говорить об особом типе цивилизаций в этих регионах. Лишь с рубежа XIX-XX вв., по мере вступления стран этих регионов в фазу «индустриального общества» начался процесс формирования некоей единой общности, которую сегодня, как правило, именуют западной цивилизацией. Чрезвычайно значимую роль в этой эволюции сыграла Первая мировая война, когда произошло прямое вовлечение ведущих государств Нового Света – США и Канады в этот конфликт. Именно тогда и были созданы серьезные заделы в деле формирования новой исторической общности. Справедливости ради подчеркнем, что это было начало сложного пути, завершившегося уже после Второй мировой войны. Но очевидно, что без гигантских подвижек, порожденных «Великой войной», сближение и симбиоз этих двух цивилизационных сегментов протекало бы в ином ритме и формате.

Важно отметить, что в развитии любой цивилизационной общности (европейская не является исключением) ключевую роль играет ее ядро, которое и определяет динамику развития всего этого комплекса. Естественно, что само ядро европейской цивилизации никогда не было статичным. Его конфигурация неоднократно видоизменялась, но само оно сформировалось, как минимум в XVII в. К началу Первой мировой войны в него входило 5 или 6 государств. Если по поводу присутствия в этом списке Англии, Германии, Франции, Австро-Венгрии и Италии, по сути, нет никаких сомнений, то вот включение сюда России традиционно вызывает у многих европейцев отторжение, да и сами жители нашей страны уже давно пытаются понять - кто же они: европейцы, евразийцы или представители какой-то иной общности, ни с кем не идентифицируемой?

Не вдаваясь в суть этих споров, хотелось бы подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, в данной работе мы исходим из того, что Россия - интегральная часть европейского сообщества, без которой сложно понять, что же происходило там, на интересующем нас историческом отрезке, что привело его к столь масштабным потрясениям, как Первая мировая война. Во-вторых, в центре внимания нашего авторского коллектива будут процессы разворачивавшиеся в указанный период, прежде всего, в ядре европейского сообщества, ибо именно там происходили основные события, оказавшие решающее влияние на трансформацию облика европейской цивилизации.

Обычно исследователи, занимающиеся анализом событий, связанных с Первой мировой войной, концентрируют свое внимание на каком-то одном направлении, чаще всего на военной или дипломатической истории, в то время как многие другие принципиально важные вопросы (например, динамика развития партийно-политических систем стран Запада и России, сдвиги в социо-культурной сфере, национальный вопрос и т.д.) остаются не то, чтобы за кадром, но явно в тени. Блоку литературы, посвященной «Великой войне», очевидно, не хватает работ, охватывающих основные сферы жизнедеятельности европейского сообщества в годы войны. А ведь, пожалуй, только так можно

рассчитывать на получение полноценной сбалансированной картины развития Европы в указанный период. Безусловно, такую задачу гораздо легче поставить, чем решить, ибо степень изученности различных аспектов жизнедеятельности европейского сообщества в эти годы далеко не одинакова. Например, широкий спектр вопросов, связанных с анализом процессов, порожденных переводом экономики воюющих стран на военные рельсы, их влиянием на положение дел в мировом хозяйстве, изучен явно недостаточно, особенно в отечественной научной литературе.

Формально большее внимание уделяется вопросам межнациональных отношений, изучению их влияния на положение дел в воюющих державах. Однако вопросов здесь остается гораздо больше, чем ответов. Серьезные диспропорции существуют и в степени изученности особенностей функционирования партийно-политических систем ведущих мировых держав. Список можно продолжать, но и так очевидно, что все это создает немалые проблемы для любых попыток подготовить синтезирующее исследование процессов, определявших лицо европейской цивилизации на одном из крупнейших изломов ее истории.

Тем не менее, наш авторский коллектив предпринял попытку дать свою версию, свое видение тех наиболее значимых процессов, которые определяли общую динамику развития европейской цивилизации в годы «Великой войны» и первые послевоенные годы. Естественно, прежде всего, сюда включаются вопросы, связанные с собственно военными действиями. Никто не спорит с тем, что во всех ведущих европейских державах интенсивно готовились к возможному военному столкновению. О гонке вооружений, особенно морских, не говорил тогда только ленивый. Парламенты этих стран бурно обсуждали бюджетные статьи, связанные с ассигнованиями на военные цели. В предельно засекреченных кабинетах Генштабов разрабатывались планы будущих военных кампаний. Однако, как мы хорошо знаем, в реальной жизни, вспыхнувшая летом 1914 г. в Европе война, оказалась совсем не такой, какой ее представляли высшие военные чины и политический истеблишмент великих держав.

Ясно, что подобная ситуация не могла не породить в научном сообществе нескончаемые споры о том, насколько осознанно правящие круги ведущих европейских держав вели дело к развязыванию большой войны, насколько неотвратимым было столкновение Антанты и стран Тройственного союза. Именно в таком ракурсе историки, как правило, рассматривают эти сюжеты. Мы бы хотели взглянуть на эту проблему под несколько иным углом зрения, которая отнюдь не исчерпывает всю многослойность этой проблемы. Сейчас в качестве гипотезы хотелось бы высказать следующее предположение. Дело, на наш взгляд, не в том, что в извращенных умах лидеров великих держав зрели коварные планы организации гигантского конфликта для передела мира. Планы силового разрешения имевшихся межгосударственных противоречий, безусловно, существовали. И в высших эшелонах власти, как в странах Антанты, так и Тройственного союза, никто не исключал возможности использования силовых методов для их разрешения. Но ясно и другое. Допуская возможность, а при определенных условиях и

желательность военного столкновения со своими оппонентами, лидеры противоборствующих государств явно не предполагали, что оно может принять подобные масштабы. Такую войну, с которой Европа столкнулась летом 1914 г., ни в одной из столиц вступивших в войну держав не ожидали и не желали. Мы исходим из того, что в процессе июльского кризиса ситуация вышла из-под контроля его участников.

Конечно, эта, очевидная с позиций сегодняшнего дня, истина стала осознаваться современниками далеко не сразу. Однако повседневные реальности начавшейся войны очень быстро начали преподносить и военному и политическому руководству неприятные сюрпризы, ставя перед ними вопросы, не имевшие аналогов в истории. Важно иметь в виду, что спектр этих проблем отнюдь не ограничивался чисто военными. Гораздо сложнее, и главное неожиданней, оказалось все то, что было, связано с положением в тылу. Здесь быстро обозначились два ключевых и во многом взаимосвязанных момента.

Во-первых, с учетом масштабов мобилизации и неуклонным падением уровня жизни, для правящих кругов всех воюющих стран принципиальное значение приобретало достижение, если и не полноценного классового мира, то хотя бы временной консолидации основной части населения вокруг властных структур. Если на первых порах выполнять эту миссию помогал патриотический подъем, охвативший население воюющих держав, то по мере нарастания трудностей на фронтах атмосфера национального единения стала рассеиваться, что грозило осложнить деятельность властей по мобилизации всех возможных ресурсов для победы.

В этой обстановке политическим элитам предстояло серьезно переосмыслить модус взаимоотношений с оппозиционными силами, прежде всего с теми, которые располагались на левом фланге политического спектра. До войны они плохо вписывались в традиционный для партийно-политических систем Европы либерально-консервативный мейнстрим. Для наиболее дальновидных представителей политических элит стран Западной Европы становилось все очевиднее, что назревает необходимость достаточно глубокой перестройки всей совокупности норм и принципов взаимодействия основных политических институтов буржуазного общества. Однако здесь сторонники этой идеи сталкивались с целым комплексом трудноразрешимых проблем. Их анализ, пока еще, не стал предметом детального исследования в отечественной литературе, и в своей работе мы попытаемся, насколько это возможно, восполнить этот пробел.

Как нам представляется, ключевым в этом комплексе проблем является вопрос о том, как происходила постепенная интеграция в рамки существовавших партийных систем организаций, опиравшихся на рабочее движение, влияние которого в эпоху индустриального общества неуклонно росло. Вопрос о том, какое место будут занимать в политической жизни западноевропейских стран и России партии социалистической ориентации еще до начала «Великой войны» стал приобретать все

более судьбоносное значение для будущего европейской цивилизации. Начало военных действий поставило эту проблему ребром, ибо в случае перехода важнейшего сегмента любого «индустриального общества» к конфронтации с властями положение последних заметно осложнялось. И наоборот, налаживание партнерских отношений между государством и теми политическими силами, которые претендовали на выражение интересов трудящихся, развязывало бы правительству руки при решении сложных социально-экономических задач, порожденных необходимостью перевода экономики на военные рельсы.

Важно иметь в виду, что, решая эту судьбоносную для итогов войны проблему, ведущие политики западных стран (Россия, как мы знаем, выпала из этого процесса) одновременно, вероятно, не осознавая этого до конца, определяли базовый вектор политического развития западной цивилизации на весь XX в., ибо интеграция партий социал-демократического и социалистического толка заметно повысила общую устойчивость и эффективность партийно-политических систем западноевропейских стран. Жизнь показала, что благодаря их подключению к конструктивному участию в так называемом «демократическом политическом процессе» в него удалось вдохнуть новую жизнь, придать всей европейской цивилизации дополнительную энергию, что в условиях продолжавшегося вплоть до конца века ожесточенного соперничества с иным вариантом общественного развития, было весьма своевременным.

Таким образом, с нашей точки зрения, анализ этих сюжетов имеет первостепенное значение. По разным причинам, но и в СССР, и на Западе они долгое время обходились стороной, но ясно, что без тщательного изучения тех процессов, которые разворачивались в недрах партийно-политических систем воюющих стран, картина изменений, охвативших европейскую цивилизацию под влиянием Первой мировой войны, будет неполной. Однако констатация этого факта ни в коей мере не объясняет, как именно происходили эти события, какие препятствия пришлось преодолеть участникам данного процесса и главное, в какой мере он был завершен в годы «Великой войны». Эти вопросы мы и попытаемся осветить в данной работе.

Не менее острые споры продолжаются вокруг оценки тех поистине тектонических сдвигов, которые произошли в сфере международных отношений под непосредственным влиянием войны. Дело даже не в том, что с политической карты исчезли сразу четыре, казалось бы, незыблемых Империи, а в центре Европы возникла целая группа новых независимых государств с крайне запутанными двусторонними отношениями, отчаянно ищущими свое место в послевоенном мире. После войны впервые в истории была предпринята попытка сформировать такую модель системы международных отношений, которая бы не только учитывала фундаментальные интересы держав-победительниц, но и создавала надежные гарантии против повторения потрясений, подобных тем, что имели место в самом недавнем прошлом. Даже первые робкие попытки найти рецепты решения этой проблемы ставили перед

главными акторами, действовавшими на международной арене, задачу переосмысления многих доселе неоспоримых принципов международной жизни: баланс сил, как главное условие стабильности системы международных отношений, приоритет государственного суверенитета перед правовыми нормами, доминирование европоцентристских подходов к организации мирового сообщества и т.д.

В большом пласте научной литературы, посвященной вопросам становления новой модели международных отношений, детально рассмотрены все шаги основных участников Парижской мирной конференции по реформатированию политической карты послевоенного мира, но вопросы о том, как только что завершившиеся военные действия повлияли на представления политического истеблишмента стран Запада об оптимальных формах организации европейского и мирового сообщества, во многом остаются открытыми до сих пор. Отсюда, серьезная нестыковка в оценке степени эффективности новой, Версальско-Вашингтонской модели системы международных отношений.

Не меньший разброд мнений существует и в понимании того, почему архитекторам нового миропорядка так и не удалось создать стабильный и устойчивый системный комплекс, который бы надежно страховал мир от повторения ужасов недавно завершившейся войны. Более того, сегодня мы знаем, что все усилия по формированию подобного миропорядка завершились через 20 лет полным крахом: в мире вспыхнула еще более кровопролитная и жестокая мировая война. Значит ли это, что вся проделанная в Париже работа оказалась бесполезной, что этот опыт, по сути, ничем не обогатил наши представления о характере процессов, определявших динамику международных отношений, и не внес в них ничего конструктивного?

Обилие подобных оценок заставляет нас вновь обратиться к осмыслению тех новаций, которыми была так богата международная жизнь в поствоенный период. Нам хотелось бы понять, почему в столкновении амбициозных планов формирования такой модели системы международных отношений, которая бы надежно страховала мир от новых глобальных потрясений, и конкретных запросов каждой из держав-победительниц, последние очевидно возобладали. Чем это вызвано: недальновидностью политических лидеров той эпохи или какими-то более фундаментальными причинами?

Не меньший интерес с позиций сегодняшнего дня представляют вопросы, касающиеся оценки итогов реформатирования политической карты Европы. Считать ли их результатом крайне непродуманного применения на практике принципа о праве наций на самоопределение, или искать объяснение в исключительно своекорыстной политике великих держав? Ни в коей мере не утрачивает своей актуальности и вопрос о том, как расценивать события, связанные с созданием первого в истории международного института по поддержанию мира. Рассматривать ли факт создания Лиги Наций как прорыв в долгой истории поисков рецептов ограничения анархии и апологии силы в сфере международных отношений или же это была циничная попытка закамouflировать свои подлинные планы, адаптировать их к условиям эпохи «массовой политики»? Что из первого опыта создания

организации по поддержанию мира имело непреходящее значение, а что оказалось явно непригодным для практического использования в целях предотвращения международных конфликтов?

Очевидно, что все эти события, на глазах менявшие облик европейской цивилизации, не могли не повлиять на ее ментальную сферу. Прежде всего, речь идет об идеологии и культуре. С этим никто не спорит. Однако в оценке масштабов и векторов изменений в данных областях до сих пор специалисты не достигли даже минимального консенсуса, ибо идеология, духовная жизнь воспринимаются исследователями весьма субъективно, исходя из их собственных мировоззренческих симпатий и антипатий. Здесь крайне сложно подобрать объективные параметры, позволяющие охарактеризовать вклад той или иной идеологической концепции или направления культурной жизни.

Действительно, любой специалист, занимающийся данными сюжетами, имеет какую-то собственную систему ценностных ориентиров, которые неизбежно сказываются на всех его оценочных суждениях. Как, скажем, требовать от них полной объективности в оценке идей о необходимости утверждения в обществе принципов социальной справедливости, если эти специалисты являются сторонниками организации общества, на основе так называемых «равных возможностей» или откровенных социал-дарвинистских постулатов? Другой пример. Вряд ли можно ожидать от приверженцев имперской идеологии хоть сколько-нибудь адекватных высказываний относительно концепции о праве нации на самоопределение. Хорошо известны яростные выпады, которыми обмениваются культурологи при обсуждении конкурирующих направлений в литературе или изобразительном искусстве. Эмоциональное восприятие здесь нередко перевешивает беспристрастный анализ. Многие даже полагают, что изучению духовной сферы противопоказана беспристрастность.

Означает ли констатация всех этих моментов, что объективный анализ сюжетов, касающихся различных аспектов духовной сферы, практически невозможен. Да, рассчитывать на высокую степень объективности при разработке вопросов, связанных с идеологической сферой, вряд ли приходится. Но это отнюдь не означает, что изучение данной проблематики не имеет научной значимости. Наоборот, данное исследовательское поле занимает особое место в общем спектре исторического знания, ибо без идеологии человеческая цивилизация попросту немыслима. Без его анализа наши представления о сути процессов, разворачивающихся в недрах тех или иных обществ, будут попросту неполноценными. Однако оценивая те или иные работы этого кластера, мы должны постоянно держать в уме указанную особенность подобных исследований.

Безусловно, определенная ангажированность практически всех научных трудов по проблематике, затрагивающей те или иные аспекты идейной жизни мирового сообщества, предполагает, что, по крайней мере, фактическая сторона этих исследований должна быть максимально достоверной. Иными словами, ученый волен давать любую интерпретацию рассматриваемых явлений, но в описании их

фактической стороны, он в силу элементарной профессиональной этики, обязан стремиться к предельной точности и репрезентативности.

Исходя из этой установки, мы хотели бы сформулировать свою позицию в отношении ряда вопросов идейной жизни, в которых в годы «Великой войны» и под ее непосредственным воздействием произошли наиболее значимые подвижки. Прежде всего, мы попытаемся понять, как трансформировались представления европейцев о характере взаимоотношений в триаде «индивид-общество-государство». Переход ведущих европейских стран в качественно новую фазу развития – «индустриальное общество» - уже до начала «Великой войны» породил в интеллектуальных элитах региона достаточно острые и эмоциональные дискуссии о необходимости внесения определенных корректив в традиционные представления о характере взаимодействия между составными элементами данной триады. Целый ряд социологов, юристов, историков склонялся к тому, что в силу очевидного усложнения социально-экономических отношений прежняя модель, определявшая общую динамику ее функционирования, уже не обеспечивает ей должной эффективности и стабильности. Они полагали, что в новых условиях объем задач, которые просто обязано решать государство, заметно возрастает, а время, когда оно играло роль своеобразного «ночного сторожа», наблюдавшего, но не вмешивавшегося в происходившие события, безвозвратно ушло в прошлое. Однако сторонники традиционных подходов к роли государства в жизни общества явно не собирались сдавать позиции и вели активную контр пропагандистскую кампанию по защите прежних «жизненных устоев», стремясь доказать, что они ничуть не устарели. В такой непростой, противоречивой обстановке оказалась идейная атмосфера Европы накануне войны.

Мы попытались показать, как повлияла война на ход и характер споров по этой проблеме, какие факторы стимулировали или наоборот тормозили процесс укрепления позиций сторонников этатистской идеологии. Наиболее дискуссионными здесь остаются вопросы, связанные с оценкой степени обратимости тех сдвигов во взглядах на роль государства в регулировании социально-экономических отношений, которые произошли в годы войны. Неудивительно, что в зависимости от своих взглядов и убеждений ученые, занимавшиеся изучением этих сюжетов, высказывали подчас диаметрально противоположные суждения, пытаясь доказать либо чисто конъюнктурный характер тех подвижек в сфере идеологии, которые обуславливались исключительно военной необходимостью и были отвергнуты обществом сразу же после окончания войны, либо утверждая необратимость изменений во взглядах на функции государства в социально-экономической жизни и подчеркивая, что именно внутренняя логика эволюции «индустриального общества» делала эти подвижки неизбежными и, по сути, закрывала дорогу для полноценного возвращения «назад к нормальным временам».

Думается, что, как и все крайности, две приведенные выше полярные оценки сущности изменений на идеологическом поле страдают известной однобокостью и прямолинейностью, что ведет к

формированию упрощенной картины той ожесточенной полемики, которая шла в годы войны вокруг данных вопросов. Наша исходная посылка состоит в том, что в идейной жизни ведущих европейских стран в те времена теснейшим образом переплетались обе эти тенденции, что было обусловлено реальным состоянием идеологической сферы в этом ключевом сегменте мирового сообщества. Мощные напластования прошлой эпохи не могли в одночасье уступить дорогу новым веяниям, которым еще только предстояло доказать свою эффективность и пригодность для управления государственными делами. Война действительно убедительно показала, что добиться победы в ней без форсирования мер по государственному регулированию социально-экономических отношений невозможно, но ведь это были экстраординарные условия и это все хорошо понимали. А вот ответ на вопрос о пригодности подобных мер в мирное время в глазах многих современников выглядел далеко неоднозначным, что обусловило всплеск острейшей полемики о пригодности этатистской идеологии для дальнейшего развития европейской цивилизации.

Дискуссия о роли и месте этатистских постулатов в жизни европейской цивилизации теснейшим образом переплеталась со спорами о том, какой идейной парадигмой должно руководствоваться в своей деятельности государство: стремлением к утверждению социальной справедливости или же защитой «естественных прав» граждан. Впечатляющему появлению первой тенденции способствовала интенсивная пропагандистская кампания, развернутая идеологами левых политических партий, видевших смысл деятельности государства в гуманизации общественных отношений, постепенном искоренении всех форм и проявлений социальной несправедливости. Ради этого государство должно брать на себя все необходимые функции по регулированию социальных отношений, включая и регулирование отношений собственности. Естественно, для сторонников традиционных взглядов на задачи государства подобные предложения выглядели опасной крамолой, ибо здесь явно возникала угроза неприкосновенности главному, с их точки зрения, «естественному праву» - праву свободно владеть и распоряжаться частной собственностью.

Острота этих споров многократно возросла после того, как в России в 1917 г. к власти пришли представители крайне левого крыла социал-демократов, которые декларировали, что видят свою миссию в построении в России общества абсолютно нового типа, базирующегося на идее полного воплощения на практике принципов социальной справедливости. Важно подчеркнуть, что новые власти не только декларировали подобные цели, но и начали свехрешительно претворять их в жизнь. Хорошо известно, каким всплеском насилия сопровождались эти шаги. Ясно, что противники самой идеи социальной справедливости умело использовали эксцессы, порожденные гражданской войной в России для дискредитации всех предложений левых сил.

Однако те потрясения, которые охватили Европу в годы «Великой войны», заставляли рядовых жителей региона, прежде всего одетых в военную форму, усомниться в справедливости тех

общественных устоев, на которых жила европейская цивилизация. В обстановке жесточайшего шока, переживавшегося населением всех стран, участвовавших в войне, призывы к утверждению социальной справедливости отнюдь не выглядели ни утопией, ни химерой, ни крамолой. Наоборот, у многих они вызвали позитивный отклик. Конечно, сегодня эксцессы гражданской войны в России воспринимаются иначе, но тогда тезис о том, что за движение к «светлому будущему» необходимо платить многим казался вполне оправданным – ведь на войне ее участники платят гораздо большую цену, причем далеко не ясно ради чего.

Сложности оппонентов тезиса о необходимости утверждения в обществе идеалов социальной справедливости увеличивались в силу того, что, кроме призывов к возврату к «нормальным временам», к проверенным временем принципам управления государством, они тогда, по сути, не могли предложить своим согражданам какой-то конструктивной альтернативы. Это особенно было по престижу либералов, обычно весьма восприимчивых к новым веяниям, демонстрировавшим способность генерировать оригинальные идеи. На сей раз этого не было, и данное обстоятельство придавало спору о магистральных направлениях развития европейской цивилизации дополнительную остроту и драматизм. Конструктивная альтернатива идеям большевиков была разработана позднее, и, за исключением США, не столько либералами, сколько социал-демократами, но это обстоятельство вновь и вновь заставляет историков, социологов, философов обращаться к анализу тех идеологических баталий, которые не меньше, чем артиллерийские канонады, потрясли европейское сообщество, в горниле которых постепенно выкристаллизовывался современный облик европейской цивилизации. Естественно, мы не могли и не хотели оставаться в стороне от этих споров и попытались сформулировать свою позицию по данному комплексу вопросов.

Весьма важными для будущего духовной сферы европейского сообщества были дискуссии, охватившие, прежде всего, интеллектуальную элиту Старого Света, о той системе ценностных ориентиров, которой должны руководствоваться интеллектуалы в своей творческой деятельности. Строго говоря, эти споры берут свои истоки еще с рубежа веков, и их зарождение было связано не столько с неуклонным ростом международной напряженности и пугающими прогнозами грядущего апокалипсиса, сколько со стремительным разрушением привычной повседневной действительности, которая уходила в небытие под напором мощных сил, развязанных вступлением Европы в стадию «индустриального общества». Бурный научно-технический прогресс имел далеко неоднозначные последствия для жителей этого региона: с одной стороны, он, безусловно, способствовал тому, что повседневная жизнь людей становилась более комфортной, открывались новые возможности для развития, росла продолжительность жизни. Но, с другой стороны, ломка привычного уклада и ритма жизни порождала у людей массу стрессовых ситуаций, неизбежно деформировала устоявшуюся систему ценностей, во весь рост ставила перед ними проблему адаптации к новым условиям.

Всего этого не могли не ощущать представители интеллектуальных кругов. Сама жизнь жестко ставила перед ними сложные и болезненные вопросы. Как, например, относиться к тому, что безудержный культ наживы подминает под себя все остальные проявления человеческих чувств, что вместо поощрения усилий по совершенствованию индивидуальных качеств личности, последняя растворяется в стандартизированных стереотипах, жестко регламентировавших поведение человека, превращая его в маленький винтик в огромной, абсолютно бездушной государственной машине.

У всех думающих людей не могли не возникнуть вопросы: куда же движется человечество? Той ли дорогой оно идет? Что ожидает его впереди? Этот последний вопрос приобретал все большую актуальность по мере того, как внутренняя логика развития «индустриального общества» вела к росту напряженности на международной арене. Хотя тогда подобного термина еще не существовало (как правило, вместо него использовалось понятие «империализм»), говорить о связи роста международной напряженности с вступлением ведущих мировых держав в качественно новую стадию развития, на наш взгляд, вполне правомерно. В пользу данного предположения можно привести ряд аргументов.

Во-первых, по сути никто не возражает, что становление индустриального общества в различных странах происходило далеко не одинаковыми темпами. Характерной чертой эволюции мирового сообщества стало заметное усиление неравномерности развития его главных акторов, что неизбежно деформировало устоявшийся баланс сил на международной арене, увеличивало общую нестабильность системы международных отношений. Во-вторых, именно в этот период возникает такое опасное дестабилизирующее явление как «стадиальный разрыв», когда отдельные сегменты единой, глобальной по своей сути системы международных отношений (чего не было на более ранних этапах развития человечества) оказываются на разных фазах исторического развития (ведущие мировые державы уже вступили в индустриальное общество, а огромные пространства, занимаемые азиатскими и латиноамериканскими странами, еще не были даже на подходе к этой фазе). Такой разрыв в уровне развития не мог не влиять на общий расклад сил на международной арене, не порождать желание более продвинутых держав расширить свои сферы влияния за счет более слабых государств, что неизбежно увеличивало число болевых точек в мировой политике. В-третьих, вхождение ведущих держав в эпоху индустриального общества во многом совпадало с завершением важного этапа в эволюции системы международных отношений, в ходе которого великие державы поделили между собой все «свободные земли», приобщив их к своим колониальным империям. Важно понимать, что в политической философии той эпохи своего рода аксиомой стал постулат о том, что наличие обширной колониальной империи является неотъемлемым атрибутом великодержавного статуса и важнейшим компонентом успешного развития страны. Следовательно, борьба за расширение колониальных владений превращалась в первостепенную задачу любого государства, претендующего на звание великой державы. Однако в конкретных условиях конца XIX-начала XX в. выполнение этой задачи

автоматически предполагало перераспределение собственности, что являлось важнейшей предпосылкой роста конфликтности в межгосударственных отношениях.

Важно подчеркнуть, что все эти крупные сдвиги происходили практически на одном историческом отрезке. Такой масштабный каскад перемен неизбежно стимулировал рост общей нестабильности, что в свою очередь увеличивало вероятность слияния многочисленных локальных конфликтов в единый глобальный конфликт и, главное, создавало предпосылки для его перерастания в фазу открытого военного столкновения.

Эти факты были очевидны многим современникам и неудивительно, что множилось число прогнозов, предрекавших неизбежность крупномасштабного военного столкновения, в которое могут оказаться вовлеченными все ведущие европейские государства. Утверждение о том, что оно может стать прологом будущего «Заката Европы», правда, еще не прозвучало, но ощущение грядущих потрясений все чаще пронизывало творческие искания европейских интеллектуалов. Их мучил вопрос: в чем причина всех этих тревожных симптомов? То ли их корни следует искать в субъективных факторах (своекорыстие или заблуждения политиков, несовершенство политических институтов и т.д.), или же дело в принципиальной неадекватности той системы ценностей, которая доминировала в Европе, новым потребностям общественного развития?

Война, со всеми ее ужасами и страданиями, лишь еще больше усугубила ощущение несоответствия прежних ценностей тем новым реалиям, которые она обнажила. Отсюда отчаянные попытки деятелей культуры сформировать новую систему ценностных координат, в которых могла бы развиваться европейская цивилизация. Их оппоненты возражали, что проблема, с которой столкнулась европейская культура, заключается не в изобретении каких-то диковинных методов отражения окружающей действительности, а в поиске способов очищения разумных в принципе представлений о тех идеалах, к отражению которых и должны стремиться представители творческой интеллигенции. Вопрос, однако, заключался в определении того, каких именно ориентиров должны придерживаться деятели культуры, к воплощению какой правды они должны стремиться.

Эти споры, которым война придавала дополнительную остроту, не прекращаются и сегодня. Интеллектуальные элиты никак не могут решить, в какой системе ценностных координат изображать окружающий мир, на что делать акцент. Мы постараемся показать истоки этого раскола в интеллектуальной элите Европы, дальнейшую динамику данного процесса, его влияние на социокультурную сферу европейской цивилизации. Нам хотелось показать, как в ней причудливо переплетались ростки нового видения задач, стоявших перед культурой, с традиционными представлениями о том, на какие проблемы она должна ориентироваться сама и ориентировать общество в целом. Наконец, нам хотелось бы показать зарождение ростков контркультуры и влияние этого процесса на изменения в духовной жизни Европы.

Ясно, что столь масштабное военное столкновение, как Первая мировая война, не могло не заставить задуматься и политиков, и общественных деятелей, и ученых о роли и месте такого явления, как война в развитии европейской цивилизации, о соотношении войны и мира в ходе эволюции общества, о механизмах, способных регулировать межгосударственные отношения, особенно уровень конфликтности. Даже беглое знакомство со спектром мнений по этим вопросам позволяет констатировать наличие их чрезвычайно широкого разброса. Естественно, наш авторский коллектив также попытался определить к ним свое отношение. Прежде всего, нас интересовало, как под влиянием реальной войны трансформировались представления об этом явлении, насколько серьезно она заставила политические и интеллектуальные элиты европейских стран задуматься над поисками эффективных рецептов упорядочения, а в идеале устойчивого регулирования международных конфликтов.

Значительный интерес представляет и вопрос о том, как «Великая война» повлияла на перспективы антивоенного движения, на его взаимодействие с другими общественно-политическими силами. Наибольшие дискуссии здесь вызывает вопрос о степени проникновения постулатов либеральной и социалистической идеологии в идейную платформу антивоенных организаций. Безусловно, многие представления левых были инкорпорированы в идейный арсенал антивоенного движения, но как подобный симбиоз традиционных пацифистских ценностей с идеалами сил новой политики воздействовал на общие позиции этого сегмента идейно-политической жизни Европы? Нам хотелось бы понять, как события 1914–1918 гг. сказались на представлениях идеологов тогдашнего антивоенного движения о причинах возникновения войн, их роли в эволюции, как человеческой цивилизации, так и международных отношений.

Не секрет, что война в значительной мере расколола европейское антивоенное движение, которое, вместо осуждения войны как таковой, во многом перешло на выяснение того, кто виновен в ее развязывании. Еще более очевидными, как нам представляется, стали расхождения в векторах развития антивоенного движения после окончания «Великой войны», когда побежденные и победители сконцентрировали свое внимание на плохо совместимых сюжетах. Если в странах Антанты участники антивоенного движения, пережив шок войны, с еще большим рвением принялись критиковать все проявления милитаризма и строить разнообразные планы предотвращения новой войны, то в странах, проигравших войну, прежде всего в Германии, акцент был перенесен на попытки доказать неправоту ее обвинений в развязывании Первой мировой войны. Подобная линия поведения, несомненно, вносила серьезную путаницу в традиционные взгляды и представления участников немецкого антивоенного движения, деформировала позицию его идеологов. Мы попытаемся высказать свои соображения относительно того, как все эти подвижки повлияли на судьбы послевоенной Европы.

Итак, суммируя те исходные соображения, которые определяли наш замысел, мы формулируем и принципиальные задачи данного исследования. Мы хотели бы дать с позиций сегодняшнего дня ответ

на ряд фундаментальных вопросов. Прежде всего, постараемся понять, почему, несмотря на ожидания возможного конфликта, его масштабы и интенсивность достигли таких размеров и привели к таким последствиям, которых никто не предполагал и не желал. Во-вторых, мы хотели бы определить уровень и соотношение преемственности и изменчивости в ключевых областях жизнедеятельности европейского сообщества на данном историческом отрезке и то, как повлияла на него война. В широком смысле это позволит понять, в какой мере война означала разрыв в плавном эволюционном развитии европейской цивилизации, создала определенный водораздел в ее истории, и как все это сказалось на формировании контуров нового мира. В-третьих, мы хотели бы показать, почему произошел столь радикальный разрыв между ожиданиями, господствовавшими и в обществе, и в политических элитах накануне и на самой ранней стадии войны и реальными результатами этого конфликта. Наконец, мы попытаемся наполнить конкретным содержанием наш базовый тезис о том, что война стала водоразделом между двумя историческими эпохами, иными словами показать, чем «мир 1914 года» отличался от своего послевоенного аналога. В какой мере нам удалось решить эти весьма непростые и неоднозначные вопросы, судить читателям данной работы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (Белоусов Л.С.)

Введение (Манькин А.С.)

ЧАСТЬ I. У ИСТОКОВ «ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ»

Глава 1. На пороге системного кризиса. Международные отношения накануне войны (Романова Е.В.)

§1. Изменения в расстановке сил на международной арене: эрозия «европейского равновесия»

§2. Конфликт на Балканах и крах «европейского концерта»

Глава 2. Военные планы великих держав и реальности июльского кризиса (Манькин А.С., Терехов В.И.)

§1. Особенности военных планов великих держав

§2. Трагическая развязка интриги: ход и характер июльского кризиса

Глава 3. Вступление России в XX век (Цимбаев Н.И.)

§1. Империя на рубеже веков

§2. Первая русская революция: пролог катастрофы

§3. Российское общество накануне «Великой войны»

Глава 4. «Мир 1914 года»: социо-культурный срез

§1. 1914 год: конец «прекрасной эпохи» (Руткевич А.М.)

§2. Трещина мира и сердце поэта: литература как предчувствие (Кизима М.П.)

§3. Искусство накануне Первой мировой войны: от утопического синтеза модерна к анархическому нигилизму авангарда (Дажина В.Д.)

ЧАСТЬ II. «ВЕЛИКАЯ ВОЙНА» И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ОБЛИКА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Глава 5. На фронтах Первой мировой: динамика военных действий и изменения в военной сфере (Манькин А.С., Терехов В.И.)

§1. Переход к позиционной борьбе и стратегия «войны на истощение»

§2. В поисках рецептов победы: боевые действия и развитие военного дела в 1916 году

§ 3. Трудный путь к победе: военные действия на завершающем этапе войны

Глава 6. У истоков перестройки партийно-политических систем ведущих стран Запада и России

§1. Рост влияния левых сил в партийно-политическом спектре ведущих стран Европы (Манькин А.С.)

§2. Война и корректировка программно-целевых установок партий центристского типа (Манькин А.С.)

§3. Россия в мировой войне: на пути к распаду Империи (Цимбаев Н.И.)

§4. От Февраля к Октябрю: провал «февральской демократии» (Цимбаев Н.И.)

Глава 7. Культура и общество в годы войны

§1. Первые попытки осмысления войны (Руткевич А.М.)

§2. Пушки заговорили, но музы не умолкли (Кизима М.П.)

§3. Искусство на войне и вне войны. Зарождение контркультуры (Дажина В.Д.)

ЧАСТЬ III. «ВЕЛИКАЯ ВОЙНА»

И ПОИСКИ «НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА»

Глава 8. Перестройка системы международных отношений в годы войны (Романова Е.В.)

§1. Цели великих держав и «вызовы» войны (1914 – 1916 гг.)

§ 2. В поисках выхода из войны: стратегия и дипломатия великих держав в конце 1916 – ноябре 1918 гг.

Глава 9. Национализм и национальная идея в Первой мировой войне (Фомин А.М.)

§ 1. Роль и характер национализма в великих державах Европы

§ 2 Война и принцип национального самоопределения: путь к разрушению империй

Глава 10. Война умов. Проблемы войны и мира в общественно-политической мысли воюющих держав (1914–1918 гг.)

§1. Кто виноват? Причины и историческая роль войны в оценках интеллектуальной элиты стран Антанты (Фомин А.М.)

§2. Что делать? Дискуссия в странах Антанты о путях утверждения прочного мира (Фомин А.М.)

§3. Великие цели «Великой войны». Германский взгляд на войну и будущее мира (Цимбаев К.Н.)

ЧАСТЬ IV. ОТ ПОТряСЕНИЙ К СТАБИЛИЗАЦИИ: ПОСЛЕДСТВИЯ «ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ» ДЛЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Глава 11. Становление новой модели международных отношений

§1. Планы держав-победительниц и мировые реалии (Романова Е.В.)

§2. Изменения в соотношении сил на международной арене: последствия для мировой политики (Романова Е.В.)

§3. Послевоенное урегулирование в свете национального вопроса (Фомин А.М.)

Глава 12. Уроки «Великой войны»: новые стратегические реалии в оценках военного руководства ведущих европейских держав в 1920-е годы (Магадеев И.Э.)

§1. Неоднозначные результаты победы: вооруженные силы Франции и Великобритании в первое послевоенное десятилетие

§2. Учит ли чему-то поражение? Германская военная элита в 1920-е годы

§3. Итоги à part: мировая война в оценках советского военного руководства в 1920-е годы

Глава 13. Война и итоги перестройки партийно-политических систем ведущих стран Запада и России

§1. Становление советской государственности: первые шаги (Цимбаев Н.И.)

§2. Центральная Европа: от полиэтничной Габсбургской империи – к суверенным национальным государствам (Айрапетов А.Г.)

§3. Ноябрьская революция и становление Веймарской Германии (Цимбаев К.Н.)

§4. Итоги партийно-политической перегруппировки в странах Запада: есть ли будущее у европейской цивилизации? (Манькин А.С.)

§5. На пути к тоталитарным режимам: массовое сознание фронтовиков и рост праворадикальных настроений в странах Западной Европы (Белоусов Л.С.)

Глава 14. Оценки и выводы: общественная мысль после «Великой войны»

§ 1. Мир после мира. Версальское урегулирование с точки зрения победителей (Фомин А.М.)

§2. Проигранная война и судьбы Германии. Идеальный ландшафт Веймарской республики (Цимбаев К.Н.)

Глава 15. «Эхо войны» в духовной сфере

§1. Политическая философия в «эпоху революций и контрреволюций»: основные тенденции (Руткевич А.М.)

§2. Литература на послевоенном перепутье: поиски и открытия (Кизима М.П.)

§3. Искусство после войны: испытание модерном и возврат к традиции (Дажина В.Д.)

Заключение. Контуры послевоенного мира (Манькин А.С.)

Приложения (Агансон О.И.)